

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-122-152

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ВРЕМЕНИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

О.Д. Шебло, канд. полит. наук, докт. Университета Гакусюин, 1-5-1 Меджиро, Тошима-ку, Токио, Япония, 171-8588*

В современной политической науке время все более становится концептом-портманто. Оно входит в состав терминологических конкатенаций в самых различных сферах прикладных и теоретических исследований. Вместе с тем, методологический статус времени остается почти не изученным вопросом в политологии. Автор предлагает систематизацию тех исследований в политической науке, в которых время представлено как значимый фактор политического процесса. Было выделено четыре подхода, исходя из анализа их теоретического обоснования, методологии и практического инструментария: структуралистский, психологический, институциональный и циклическо-временной подходы. Предложенная последовательность подходов основана на степени интенциональности субъектов политического интереса в их обращении со временем: от наиболее к наименее осознанному порядку.

Ключевые слова: темпоральные исследования, нарратив политического времени, темпоральные перцепции политических акторов, время как институциональное ограничение, теории политических циклов.

METHODOLOGICAL STATUS OF TIME IN POLITICAL SCIENCE

Sheblo Olesya D., Ph.D. (Political Science), PhD Student, Gakushuin University, 1-5-1 Medzhiro, Toshima-ku, Tokyo, Japan, 171-8588, e-mail: sheblo.olesya@gmail.com

In contemporary political science time is becoming a portmanteau-concept. It forms terminological concatenations in all fields of theoretical and applied researches. At the same time methodological status of time in political science is still not clear. Author suggests a systematization of those researches where time is viewed as a meaningful factor in political process. On the analysis of theoretical basis, methodology and tools four approaches are introduced: narrative approach, psychological approach, institutionalist approach and cyclic approach. The order of introduction of these approaches is based on the degree of intentionality of political actors in their treatment of time: from the most to the least conscious end.

Key words: temporal researches, narrative of political time, temporal perceptions of political actors, time as institutional constraint, theories of political cycles.

Шебло Олеся Дмитриевна, e-mail: sheblo.olesya@gmail.com

В последние десятилетия появляется все больше работ, в которых время представлено как значимый фактор в политическом процессе. Эта тенденция характерна для всех сфер прикладных и теоретических исследований в политической науке: начиная от временного давления в процессе принятия политического решения и тайм-менеджмента в политической организации и заканчивая теорией политических циклов. Язык этих работ изобилует “временной” лексикой: как существительное “время” дает начало таким проблемным отраслям, как “политическое время”, “социальное время”, “историческое время”, “экологическое время”, “жизненное время”; в качестве определения отсылает к “временному менеджменту”, “временной структуре”, “временным программам” политической организации; латинский корень “tempus” указывает на возросшую политизацию темпоральности, с одной стороны, и темпорализацию политических концептов — с другой, и дает такие понятия, как “темпоральная продолженность политического института”, “темпоральные карты”, “темпоральная логика”, “темпоральная ориентация” и т.д. В ряде случаев можно выделить факты взаимного противоречия “временных” понятий в политологических исследованиях, а иногда, напротив, их смысловое наложение друг на друга. Очевидно, что время в политологии становится концептом-портманто: к нему обращаются не как к нейтральной референтной оси, а как к самостоятельному феномену, передающему те или иные черты политической реальности и выполняющему определенные функции. Каждый исследователь в зависимости от целей своей работы может ввести его как значимый фактор, не останавливаясь при этом на том, какую эпистемологическую нагрузку несет это понятие, какие методы оно может предложить для анализа политического процесса. Все это вносит существенную неразбериху в дальнейшие исследования временного фактора в политическом процессе. Цель данной работы — определить методологический статус времени в политической науке, выделив и проанализировав четыре основных подхода в темпоральных исследованиях политического процесса.

1. Время как нарратив: структуралистский подход

В рамках этого подхода фокус исследований нацелен на анализ темпоральной семантики политического текста. Он исходит из предположения о том, что политические акторы формулируют темпоральные образы прошлого, настоящего или будущего, и эти образы являются решающими в их политической практике. Политический нарратив рассматривается с точки зрения опыта и ожиданий: эти

категории являются формообразующими для темпоральных горизонтов различных уровней дифференциации и сложности.

Среди прочих интересно теоретическое обоснование исследования М. Экенгрена, посвященное политическому времени Европейского Союза, целью которого является выявление структурных различий в форме лингвистических сдвигов значения новых концептов, метафор и семантических конструкций¹. Эти лингвистические сдвиги анализируются автором на уровне двух дискурсов: политико-идеологическом и административно-бюрократическом. В качестве материала для анализа первого, политико-идеологического, дискурса взяты политические программы национальных партий Швеции. Автором выделяется олигополия политического будущего в национальном политико-идеологическом дискурсе с тенденцией к усилению в конце 1990-х гг., пересилившая национальный протекционизм. Однако на уровне международной политики и, собственно, европейской дипломатии семантическое представление будущего оказывается не столь однозначным. С отсылкой к разделению дипломатического языка на грамматику и лексический состав выделяются три основных представления о политическом действии в европейской политике: действие как отношение, продвижение и как стратегия². Действие как отношение формируется не из практики, т.е. факта прошлого, а из ориентированности на исполнение задач в будущем. Действие как продвижение характеризуется использованием будущего времени, но связь с настоящим намного слабее по сравнению с национальным дискурсом. Темпоральная последовательность, логика между обещанием и его кодификацией нивелируются, поскольку все подлежит обсуждению. В результате, будущее и настоящее начинают совпадать в европейской политике, так как действие подменяет результат. Опыт также становится тем, что ожидаемо уже в настоящем, поэтому нередко прошлое становится идентично тем же семантическим формам, в которых участвует будущее. Действие в настоящем соотносится не столько с ожидаемым опытом, сколько с идеологически желаемым. Поэтому выбор для действия как стратегии осуществляется в ситуации “открытого будущего” — настоящего будущего, в котором есть место для нескольких взаимно исключающих будущих настоящих³. На уровне языка центральной администрации наблюдается сильная процес-

¹ *Ekengren M. The time of European Governance. Manchester, 2002. P. 30.*

² *Ekengren M. Op. cit. P. 42–45.*

³ *Luhmann N. The future cannot begin: temporal structures in modern society // Social Research. Vol. 43. (1). P. 131.*

суализация семантической перспективы: постоянное движение с неостанавливающимся потоком событий⁴. Происходит укорочение горизонта будущего, а государство-нация “теряет монополию” на политическое будущее.

Для анализа второго, административно-бюрократического, дискурса М. Экенгреном используется ряд глубинных интервью британских, шведских и датских сотрудников МИД, вовлеченных в европейское сотрудничество. Делается вывод, что политическое будущее больше не приравнивается к прогрессу, а только к самому настоящему, и чем меньше совместного опыта, тем более туманным и абстрактным становится язык административного дискурса. Отмечается тенденция к дэдлайнизации европейского политического процесса, причем сроки подачи документов в аппарат ЕС обретают приоритетную важность относительно национальных сроков. Календарь политической жизни каждого отдельного государства становится все более зависим от общеевропейского. Возникает феномен того, что автор называет “сжатое” национальное настоящее (“squeezed national present”, с негативной коннотацией глагола “сжимать, стискивать, вымогать”).

Делается вывод, что если национальное “сейчас” наиболее удачно описывалось как фикция календарного настоящего, европейское “сейчас” можно назвать “решающим настоящим” по причине его происхождения в нарративе координированного процесса принятия решения. Развитие современных средств коммуникации делает возможным не только прямое участие акторов в процессе принятия решения, но и повышает плотность контактов до немыслимых прежде значений. Теперь не пространство, а время становится главной детерминантой международных отношений: важно присутствие в едином “настоящем” принятия решений.

Европейский менеджмент публичной политической жизни предполагает не только де-темпорализацию политического языка, но также и де-фьючеризацию основных характеристик институтов и администрации⁵. Логика сильного необратимого настоящего неосознанно используется как медиум для действия в многосоставной игре со специфическими техниками расписания и участия. Высокая скорость принятия решений в Совете Европы оставляет чиновникам мало возможностей для обеспечения поддержки и принятия того или иного курса в их странах-участницах. Складывается феномен индивидуальной автономии европейских служащих в этой супра-

⁴ Ekengren M. Op. cit. P. 51.

⁵ Ibid. P. 151.

национальной модели демократии. Отличие от национальных моделей демократии заключается здесь в том, что последние держатся на институтах, чья деятельность исходит из понятий прогресса и долгосрочных перспектив будущего, тогда как в случае политической практики ЕС горизонты будущего укорочены и представлены в виде повторяющихся, но в то же время необратимых ситуаций принятия решений.

Ситуация, когда нарратив будущего становится нарративом настоящего, характерна не только для Европейского Союза. Исчезновение как будущего, так и прошлого в настоящем отмечается как характерная черта современности. Говорится также о том, что экспансия гегемонических образцов презентеизма создала мир гомогенизированного настоящего и уменьшила горизонты ожиданий⁶. Исследователи согласны в том, что последние 200 лет именно настоящее выполняет функцию темпоральной интеграции и связано это с дискурсом модерна, который начал с открытия в эпоху Просвещения новой темпоральной перспективы, в которой прошлое и будущее расположены в смысловой, а не хронологической связи относительно настоящего. Р. Козеллек обращается к анализу текстов, в которых исторический опыт времени сформулирован в прямом или “подразумеваемом” виде. Целью этого семантического анализа является выделение лингвистической организации темпорального опыта. А проблему соотношения темпоральных нарративов прошлого, настоящего и будущего он определяет через категорию темпорализации (*verzeitlichung*). В фокусе его анализа — структурные изменения в нарративе темпоральности⁷. Работы Козеллека относят еще к так называемой концептуальной истории или истории концептов, — *Begriffsgeschichte*, так как он рассматривает изменение семантики терминов в историческом контексте.

Именно в политическом дискурсе модерна, по мнению П. Осборна, формируется временная политика или политика времени: политическая практика, которая использует темпоральные структуры общества как специфические механизмы для его трансформации либо сохранения. Историческая темпорализация — это отдельный способ темпорализации истории, в котором три измерения феноменологического или прожитого времени (прошлое, настоящее и будущее) связаны вместе в динамический и эксцентрический союз единой исторической точки зрения⁸.

⁶ Portella E. Future without a future // Time in the Making and Possible Futures / Ed. by E.R. Larreta. L., 2000. P. 39–42.

⁷ Koselleck R. Futures past: on the semantics of historical time. Cambridge, 1985.

⁸ Osborne P. The politics of time: modernity and avant-garde. L.; N.Y., 1995. P. IX.

В более широком смысле в рамках структуралистского подхода время рассматривается как символ, посредством которого структурируются социальные отношения, а темпоральность анализируется с семиотической перспективы, как «квази-лингвистическая система значения, проливающая свет на рудиментарные элементы “языка времени” и способы, посредством которых индивиды и общества используют их в своей практике»⁹. Символические отношения между темпоральным и социальным значимы не только на микро-социальном уровне, но и на макросоциальном уровне политического взаимодействия. Поэтому время иногда называется в рамках этого подхода чисто относительным символом, сродни по своей природе тем символам, с которыми работает математическая наука¹⁰. «То, что мы называем “время”... является референциальной рамкой, которая используется индивидами отдельной группы и всем человечеством в целом для установления определенных вех, признанных в континуальной последовательности перемен или для сравнения одной фазы в этой последовательности с фазами другой»¹¹. Говоря с точки зрения онтологии, не существует “календарного времени”, а только “календаризация” времени космологического, разница эта в сути своей проистекает из социальной практики. В этом смысле любое время социально, а манипулятивное использование темпоральности становится проявлением отношений власти и подчинения¹².

Время, ритмы развития и контекст тесно связаны между собой. Индивидуальное или экзистенциально-биографическое время, будучи однонаправленным, соединяется в памяти с сакральным и природным типами времени, которые имеют четкую циклическую сущность¹³. Все они формируют коллективную память — надперсональную общность идей и символов, превосходящую каждого отдельного индивида. По мнению Б. Шварца, не существует “рабочей” или “долгосрочной” памяти на коллективном уровне, а также некоего среднего верования или вариации такового на индивидуальном уровне. Каждый уровень памяти релевантен типу времени и имеет свои собственные источники, качества и функции¹⁴.

⁹ Zerubavel E. The language of time: towards a semiotics of temporality // The Sociological Quarterly. 1987. Autumn. Vol. 28 (3). P. 343.

¹⁰ Elias N. Time: an essay. Oxford; Cambridge, 1992. P. 133.

¹¹ Ibid. P. 73.

¹² Zerubavel E. Op. cit. P. 353.

¹³ Ferrarotti F. Time, memory, and society // Contributions in Sociology. 1990. N 91. P. 108–109.

¹⁴ Schwartz B. Rethinking the concept of collective memory // Routledge International Handbook of Memory Studies / Ed. by A.L. Tota, T. Hagen. N.Y., 2016. P. 27–39.

Ряд исследований предлагают анализ формирования и функционирования политической памяти на конкретных примерах: коллективной памяти о Линкольне как “великом эмансипаторе”¹⁵ или возрождения образа Масады в современной политической идеологии Израиля¹⁶. В этих работах также опираются на конструктивистский анализ исторического текста. Для анализа коллективной памяти Э. Зерубавель предлагает понятие “временных карт”, под которыми подразумевает элементарные, деконтекстуализированные референтные вехи, являющиеся своего рода каркасом для коллективной памяти. Они могут быть построены, исходя из анализа: 1) концептов исторического движения — прогресса и упадка; 2) артикуляции понятий предшествующего и последующего; 3) примеров для источников приоритетного и античного; 4) исторической продолженности, включая понятие аналогии, дискурс о продолженности и тождественности времени и места; 5) исторического дисконтинуума, в том числе периодизации и дифференциации различных эпох¹⁷.

Современная политическая теория начинается с конкретного нарратива — понятия социального контракта, говорит П. Кан. Поскольку социальный контракт — это и теория, и практика одновременно, отсюда рождаются определенные характеристики политического времени. Время становится рамкой для социального инжиниринга, того, что в древнегреческом языке передавалось словом “*techne*”. Это временная рамка проектов. Путаница в темпоральной характеристике политической жизни, говорит он, происходит тогда, когда теоретики или практики принимают какую-то одну перспективу за истинную. В рамках нарратива социального контракта политический актер, он же социальный инженер, формирует свои проекты, обращаясь к вневременным принципам. Именно принципы остаются мерой актуального, которое в свою очередь всегда может быть реформировано, снято либо реконструировано. В этом смысле тип политической общности, который сформировался в Новое время, — это самореферентный транс-темпоральный тип¹⁸.

¹⁵ Schuman H., Corning A., Schwartz B. Framing variations and collective memory. “Honest Abe” versus “the Great Emancipator” // *Social Science History*. 2012. Winter. Vol. 36 (4). P. 451–472; Schwartz B., Schuman H. History, commemoration, and belief: Abraham Lincoln in American memory, 1945–2001 // *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70 (2). P. 183–203.

¹⁶ Schwartz B., Zerubavel Ya., Barnett B. Recovery of Masada: a study in collective memory // *Sociological Quarterly*. 1986. N 27. P. 147–164.

¹⁷ Zerubavel E. *Time maps: collective memory and the social shape of the past*. Chicago, 2003.

¹⁸ Kahn P.W. Political time: sovereignty and the transtemporal community // *Cardozo Law Review*. 2006. Vol. 28 (1). P. 259–276.

Теоретическое обоснование структуралистского подхода исходит из понимания темпоральности как семиотической системы: политические акторы в своей деятельности создают горизонты прошлого, настоящего и будущего и они являются решающими в конструировании их практики. Время анализируется здесь как система лингвистических символов, а в более широком смысле — как надперсональная организация нарративов опыта и ожиданий политических акторов.

2. Психологический подход

Второй подход можно выделить на материале политологических исследований, посвященных теории и практике функционирования политических организаций. Фокус анализа этих работ направлен на внутреннее ощущение времени политическими акторами. Также как и в случае первого, нарративного, подхода одним из инструментов может служить интервьюирование и анкетирование непосредственных участников политического процесса. Однако в случае первого подхода целью является реконструкция темпоральных символов и образов и предположение о том, что именно они являются решающими в политической практике. Для психологического же подхода центральным является положение о том, что в своей повседневной активности политические акторы создают и воспроизводят темпоральные структуры, которые и задают форму и ритм их практики. Время участвует в жизни организации через процесс того, что называют темпоральное структурирование: оно характеризуется вовлеченностью акторов в политические и административные процессы. Повторяющееся использование определенных темпоральных структур усиливает их легитимность и, как правило, эти структуры не становятся предметом рефлексии для своих участников. Однако расписание, графики и дэдлайны проектов и переговоров самым прямым образом влияют на индивидов, вовлеченных в процесс принятия политических решений, и рутину политического администрирования.

Теоретическое обоснование подобного рода исследований самоочевидно: как правило, оно начинается с дихотомии объективного и субъективного времени. Противопоставляются понятия количественного, “часового”, атомистического времени хроноса и времени качественного, “событийного”, продолженного, времени кайро. Первое время, независимое от человека, традиционно выводится из Ньютоновской механики: оно абстрактно, абсолютно, унитарно, инвариантно, линейно, гомогенно. Второе — относительно, контекстуально, органично, гетерогенно и конструируется в соответствии

с намерениями и целями участвующего в нем субъекта. Именно второе оказывается в фокусе анализа психологического подхода к темпоральным исследованиям политического процесса.

Идея о том, что время, для того чтобы существовать, должно всегда иметь субъекта, его постигающего, принадлежит И. Канту, но в работе А. Бергсона она была абсолютизирована: он отрицает саму вероятность объективного времени, в том числе прошедшего. Время, говорит он, — это чистая продолженность, оно может существовать только в сознании каждого отдельного человека¹⁹. Эту точку зрения развивает Г. Башляр, называя человеческое сознание в его чистой деятельности ультра-сенситивным детектором времени²⁰. Однако он уточняет, что время — это не только “прожитое” время Бергсона. Любая продолженность прежде всего должна быть чем-то наполненной, чтобы быть прожитой, а “нить времени имеет на себе множество узелков”²¹. Обращаясь к теории консолидации бельгийского философа М.Ю. Дюпрэеля, Башляр предлагает свою теорию активного конституирования продолженности, исходя из принципа гетерогенности содержащего и содержимого, а также превосходства формы. Именно интериоризированная консолидация, являясь результатом, суммой формальной и материальной каузальности, конституирует истинную продолженность — точную темпоральную реальность.

В конце XIX в. Ж.-М. Гюйо был первым теоретиком, который связал опыт времени с информационным процессом: время не существует само по себе, а производится событиями, которые имеют место во времени, т.е. время является чисто ментальной конструкцией, состоящей из событий. Центральной метафорой исследования Р. Орнштейна является тезис о том, что опыт продолженности какого-либо интервала — это конструкция, формируемая в зависимости от объема своего содержания, иными словами, количество “ментального содержимого” в интервале определяет его субъективную продолженность²². В исследованиях организации, исходя из этого подхода, предлагается выстраивать так называемые карты активности: чем более плотно наполнена такая карта, тем быстрее время проходит для индивидов в нее вовлеченных и наоборот, чем менее интенсивна активность, тем медленнее проходит время²³. Несмотря

¹⁹ *Bergson H. Time and free will. Sydney, 1913.*

²⁰ *Bachelard G. The dialectic of duration. Manchester, 2000. P. 81.*

²¹ *Ibid.*

²² *Ornstein R.E. On the experience of time. L., 1969. P. 37–42.*

²³ *Ancona D.G., Okhuysen G.A., Perlow L.A. Taking time to integrate temporal research // The Academy of Management Review. 2001. Oct. Vol. 26 (4). P. 518.*

на то что авторы делают оговорку, что в психологии переменные перцепции относят к уровню анализа индивида, они исходят из тезиса о том, что группы и организации в своей деятельности также разделяют общие темпоральные перцепции.

Интересно исследование Дж.С. Баркина, посвященное тому, каким образом временные горизонты влияют на результат многосторонних переговоров в международном сотрудничестве. В анализ вводится дополнительный фактор — сущность предмета переговоров, который вне зависимости от того, является он ли частным, публичным, общественным благом имеет две характеристики: 1) исключительность, 2) оспариваемость. Как правило, ни один предмет переговоров не может быть оценен как абсолютно оспариваемый либо неоспариваемый, т.е. речь идет не о дихотомии, а о шкале ранжирования. Автором делается вывод о том, что акторы с длительными временными горизонтами, как правило, участвуют в процессе переговоров вокруг неоспариваемых благ, тогда как переговоры вокруг оспариваемых благ, таких как общие ресурсы, оказываются результативнее в ситуации ограниченных временных барьеров. По мере продвижения по оси оспариваемости от наименее к наиболее оспариваемому концу, цена удержания переговоров увеличивается для обоих участников, однако увеличивается она с наибольшей скоростью для той стороны, которая располагает меньшим временным ресурсом²⁴.

Теоретическая база данного подхода тесно связана с исследованиями организации и темпоральными аспектами ее функционирования. Например, в исследовании М. Кроссан, Д. Вера, М. Пина и Куна и Ж. Куна рассматривается значение временного фактора для организационной импровизации и выделяются различные следствия для нее в ситуации циклического и линейного тайм-менеджмента²⁵. Прошрое, делается вывод в статье, используется не как материал для введения новых образцов, напротив, “старые” образцы рутины и поведения нерелективно воспроизводятся вновь и вновь. Линейное время, в свою очередь, в контексте корпоративного размещения ресурсов активизирует планы, основанные на дизайне желаемого будущего.

Эти выводы могут выступать теоретическим обоснованием исследования Т. Халлидэя и Б. Каррузерса, посвященного тому, как

²⁴ *Barkin J.S.* Time horizons and multilateral enforcement in international cooperation // *International Studies Quarterly*. 2004. Vol. 48. P. 363–382.

²⁵ *Crossan M., Pina e Cunha M., Vera D., Cunha J.* Time and organizational improvisation // *The Academy of Management Review*. 2005. January. Vol. 30 (1). P. 129–145.

неплатежеспособные корпоративные режимы в Индонезии, Корее и Китае выстраивают во времени тактики ведения переговоров и противостоят таким образом гегемонизму международных финансовых институтов²⁶. В логике линейного тайм-менеджмента эти государства, которые принято рассматривать как слабые, выработали по меньшей мере шесть способов политики темпорального манипулирования: 1) откладывание переговоров, 2) символические временные уступки, 3) фрагментирование переговоров и тем самым удлинение временных рамок для приложения международных норм, 4) сегментирование реформ с целью выиграть время, 5) апеллирование к различным культурным трактовкам временных норм, 6) подмена решения и возвращение тем самым переговорного процесса на начальную стадию.

Мы относим подобного рода темпоральные исследования международного политического процесса к психологическому подходу по той причине, что с методологической точки зрения единицей анализа здесь выступает событие (*evenement*): каждый конкретный эпизод переговоров имеет место в сжатом, но различимом промежутке времени. Это те самые узелки на нити времени в политическом процессе, если обратиться к упомянутой выше метафоре Г. Башляра. Политические акторы здесь используют для достижения своих целей определенные приемы обращения с временным континуумом. Например, прием сжимания времени или так называемой темпоральной компрессии, когда специально укорачивается период времени для принятия решения с целью оказания психологического давления. Противоположным приемом является расширение времени: это не только удлинение сроков календарного времени для принятия решения, но и исключение проблемных вопросов, тормозящих переговоры в целом, из категории срочных задач. Выделяются пирамидальный, вертикальный и горизонтальный типы сегментирования времени и делается вывод о том, что само сегментирование на практике нередко является приемом реакции, поскольку разложение большей задачи на ряд задач меньшего размера неизменно удлиняет временные горизонты как для принятия, так и для исполнения решения²⁷. Интересным в этих исследованиях

²⁶ Halliday T., Carruthers B.G. Foiling the hegemon: limits to the globalization of corporate insolvency regimes in Indonesia, Korea and China // *Globalization and Resistance: Law Reform in Asia since the Crisis* / Ed. by C. Anton, V. Gessner. Oxford, 2007. P. 255–301.

²⁷ Halliday T. Time and temporality in global governance // *Regulatory Theory: Foundations and Applications* / Ed. by P. Drahor. Canberra, 2017. P. 308–310.

является понятие мультиплицирования времени. Время мультиплицируется посредством создания параллельных или одновременных трэков: различные вопросы даются различным группам, неофициальные встречи дублируют официальные переговоры, а промедление в формальных встречах повторяется промедлением в оффшорных форматах.

Влияние фактора времени на процесс принятия решения в международной политике — главный предмет исследования в работе М. Пинфари “Мирные переговоры и время: дэдлайн-дипломатия в территориальных диспутах”²⁸. Автор рассматривает 68 эпизодов переговоров по территориальным конфликтам в период после окончания холодной войны (1990–2005). Несмотря на то что большинство исследователей делают вывод о негативном влиянии временного давления в переговорном процессе (в частности они указывают на снижение уровня опций и перспектив поведения акторов, ориентированных на решение проблем, а также снижение когнитивного координирования межперсонального и межкультурного общения и интегративных результатов переговоров в целом), М. Пинфари указывает на то, что временное давление может быть решающим для того, чтобы сдвинуть переговоры с мертвой точки и стимулировать так называемый мягкий подход, который предполагает понижение уровня требований, большие уступки и меньший блеф. Оппоненты Пинфари исходят из того общего факта, что при влиянии временного давления снижается точность человеческих решений, поскольку большая значимость придается негативной информации²⁹. Однако М. Пинфари доказывает в своем исследовании следующее: 1) дэдлайны могут иметь в том числе и позитивный эффект в том, что касается достижения исчерпывающих соглашений, однако, решения эти носят в большинстве своем краткосрочный характер; 2) временное давление имеет только негативные последствия в случаях, если: а) обсуждается сразу несколько задач, б) присутствует комплексная межгрупповая динамика принятия решения, в) доступная информация двузначна. Проведенное исследование показывает, что временное давление, накладываемое дэдлайнами, может оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на широту вопросов, поднятых на переговорах по территориальным конфликтам, однако, как правило, имеет место негативное воздей-

²⁸ *Pinfari M.* Peace negotiations and time: deadline diplomacy in territorial disputes. L., 2013.

²⁹ *Pinfari M.* Time to agree: is time pressure good for peace negotiations? // *The Journal of Conflict Resolution*. 2011. Oct. Vol. 55 (5). P. 687.

ствие на продолжительность достигнутых соглашений. Для достижения краткосрочных консенсусов в большинстве случаев, однако, отмечалось положительное значение временного давления.

Как мы видели выше, в данном подходе фокус анализа нацелен на субъективное ощущение времени политическими акторами, и предполагается, что не только индивиды, но и политические организации разделяют в своей практике общие темпоральные перцепции, а манипулирование этими перцепциями служит целям достижения политических интересов.

3. Время как институциональное ограничение

Время может рассматриваться как способ давления и как ограниченный ресурс в процессе принятия решения не только на уровне отдельных акторов, но и всей политической системы в целом. Эта точка зрения дает начало третьему подходу, который определяет время как институциональное ограничение. В рамках этого подхода поднимается ряд теоретических и практических проблем, связанных с так называемыми “эффектами времени” — следствиями, которые имеет время как квазиобъективная независимая переменная, в особенности для политических систем с демократическими режимами по причине их жесткой временной структуры. Они рассматривают время как ресурс, ресурс ограниченный и невозобновляемый, измеримое лимитированное количество которого располагается в расписаниях и сроках демократических процедур, определяющих продолжительность, темп, последовательность и периодичность политических действий и событий. Расписание и сроки демократических процедур рассматриваются не просто как предмет институционального регулирования, стратегического планирования и дискурсивного оспаривания, но и как независимые переменные, выходящие за рамки контроля, переменные со своим собственным причинным весом.

Значению фактора времени в кросс-секционном исследовании национального политического процесса была посвящена работа Х.Дж. Таккера, появившаяся в “Американском журнале политической науки” в 1982 г. Он рассматривал проблемы, связанные с коррелятивными переменными, измеренными в отдельный момент, с теми же переменными на протяжении большого количества времени. Для анализа были взяты 50 государств: 30 государств с 12-месячным фискальным периодом, где бюджетный цикл продолжается 24 месяца, и 20 государств с 24-месячным фискальным периодом и бюджетным циклом в 36 месяцев. В результате наложения бюджетного, полити-

ческого и административного циклов смена персонала оказывалась менее значимым фактором в течение каждого бюджетного цикла почти во всех случаях³⁰.

Внимание на то, какую роль играет фактор времени в демократическом политическом процессе, обратил специальный выпуск журнала “Международный вестник политической науки” за 1998 г. В представленных в нем статьях рассматривались как теоретические вопросы о том, что есть политическое время, чем отличается политическое время в авторитарных и демократических режимах, так и то, каким образом медиа-средства могут создавать временные горизонты и влиять на практическое измерение политики. Время было представлено как горизонт (настоящее как точка, с которой смотрят в прошлое и будущее), как ресурс (ограниченный и невозобновляемый), как временные правила (набор институциональных ограничений, с которыми работает демократическая политика), как временные стратегии (способы, которыми политические акторы взаимодействуют с этими институциональными ограничениями), как временные эффекты (последствия, которые время имеет в качестве квази-объективной независимой переменной)³¹.

Темп, утверждают А. Шедлер и К. Сантисо, — это относительная мера: он обозначает, сколько времени требуется на осуществление определенной активности, или, другими словами, показывает отношение между временем и действием. В политической системе главным становится контроль скорости принятия решения, поскольку он позволяет акторам отвечать на требования синхронизации, возникающие как внутри, так и за пределами этой политической системы³².

Сама продолженность политических структур и процессов во времени может выступать значимым фактором анализа авторитарных режимов и последующей за тем демократической консолидации³³. Отношение между эффективностью, способностью решать проблемы и легитимностью власти модифицируется по большей мере темпоральной перспективой граждан. Х. Линц, отсылая к “эффекту тоннеля” А. Хиршмана, указывает на то, что авторитарные режимы предлагают гражданам жить в настоящем с

³⁰ *Tucker H.J.* It's about time: the use of time in cross-sectional state policy research // *American Journal of Political Science*. 1982. Febr. Vol. 26 (1). P. 176–196.

³¹ *Schedler A., Santiso J.* Democracy and time: an invitation // *International Political Science Review*. 1998. Vol. 19 (1). P. 5–6.

³² *Ibid.* P. 10.

³³ *Linz J.J.* Democracy's time constraints // *International Political Science Review*. 1998. Vol. 19 (1). P. 19–37.

низкой экономической и социальной эффективностью, апеллируя к их вере в то, что через некоторое количество лет все наладится. Персонализированные авторитарные режимы, также как и султаннические, оставляют своим оппонентам надежду на то, что они когда-нибудь закончатся, так как все люди смертны. Иначе определяют себя тоталитарные режимы, так как они заявляют, что могут длиться вечно и предлагают версию утопического неограниченного будущего. Посттоталитаризм может продолжаться только относительно недолгое количество времени из-за того, что изначальная легитимация, заложенная в ориентации на будущее, утрачивается.

Демократический режим, в отличие от предыдущих, существует в ситуации неограниченного настоящего. Для политика в демократической системе время является, с одной стороны, ресурсом, поскольку он получает властные полномочия независимо от перемен в общественном мнении на определенный период времени, а с другой — крайне ограничивающим и сдерживающим условием. Вариантом демократии вне временных ограничений условно можно считать прямую демократию, так как существует значимая разница между институтом референдума и институтом выборов: проигравшие в голосовании на референдуме могут поднять вопросы своей программы заново в любое время, тогда как проигравшие на выборах должны будут ждать определенное количество лет до проведения следующих выборов. Политический процесс в демократических системах разбивает объективное время и его ощущение субъектами политического интереса на сегменты относительно короткой продолжительности. Это уже не утопический, а у-хронический тип политики, так как укорочение временной перспективы требует принятия решений здесь и сейчас. Политиков в демократических режимах он называет поэтому “измотанной элитой”.

Отдельная группа исследований в рамках институционального подхода посвящена исследованиям политического времени в структурах ЕС: они представляют собой синтез инструментария Г.Дж. Таккера и теоретических тезисов статей из “Международного вестника политической науки”, приведенных выше. В отличие от использования времени в качестве индикатора, зависимой переменной, время, по предложению Л. Коватса, может быть использовано в качестве независимой переменной для объяснения причинных связей в процессе европейского законотворчества³⁴.

³⁴ Kovats L. Do elections set the pace? A quantitative assessment of the timing of European legislation // Journal of the European Public Policy. 2009. March. P. 239–255.

Как было установлено в предыдущих исследованиях в национальных демократических системах существуют определенные законотворческие циклы: процесс законотворчества характеризуется отсутствием непрерывности, так как законодательные акты, которые не были приняты до конца избирательного срока, как правило, автоматически снимаются. Используя статистические данные за период с июня 1978 г. по апрель 2008 г., автор апробирует ряд гипотез. Результаты анализа выявляют существенное отличие от законотворческого процесса в национальных государствах. Значительное количество законов инициируется сразу после смены президентства в ЕП, пик их приходится ровно на середину парламентского срока. Однако незадолго до окончания своего срока Комиссия инициирует большее количество законов по сравнению с прочими периодами ее пребывания в офисе. Количество законодательных актов, принятых в рамках блокирования, в процедуре принятия решений достигает своего пика каждый раз после перегруппировки сил в ЕП. Это случается дважды за парламентский срок: в первую четверть срока перед выборами в ЕП количество таких актов выше по сравнению с прочими периодами на 265,9%; второй пик наблюдается в четверть срока, которая предшествует смене президентства в ЕП, — количество принятых актов тогда повышается на 142,3%. Автором делается важный вывод о том, что не выборы в ЕП, которые и должны единственно являться выражением политической воли, оказываются фактором первоочередной важности в европейском законотворчестве. На первый план, как показал анализ, выходят внутренние факторы, такие как смена президентства в ЕП, перегруппировка парламентских сил и окончание срока ЕК.

Темпоральные правила, т.е. правила функционирования и деления во времени властными полномочиями, являются конституирующим элементом любой политической системы. Как пишет немецкая исследовательница Г. Ришер, разница между президентской и парламентской системами имеет в том числе и темпоральное измерение³⁵. Она же выделяет две основные категории функций, которые выполняет время для политической системы. К первой категории относятся управляющие и регулирующие функции: 1) мобилизация политических акторов, 2) синхронизация их активности, 3) стабилизация результатов решений, 4) рационализация как открытие ситуации принятия решений для будущего. Вторая категория функций включает в себе конституирующие функции для политической системы: благодаря им поддерживается и процедур-

³⁵ *Riescher G. Zeit and politik. Baden-Baden, 1994.*

но легитимизируется принцип разделения и ограничения властей. Темпоральные правила являются, таким образом, ключевым измерением институционализации политического порядка, они оказывают непосредственное воздействие на процесс принятия политических решений и выбор политических инструментов.

Анализ этих темпоральных правил, которые являются институциональными ограничениями деятельности политических акторов, на примере ЕС приводит ряд исследователей к выводу о том, что его институциональный дизайн изначально противоречил традиционной демократической модели разделения и ограничения властей. Также как и Л. Коватс, К. Гетц отмечает период, который образуется со сменой президента ЕП. Он пишет, что президент назначается и одобряется прежде назначения и одобрения членов ЕК и на практике, как правило, этот период он использует для установления новых приоритетов в политическом курсе Комиссии. Он называет подобные периоды “окнами возможностей”³⁶ и указывает на то, что в таких случаях взаимодействие между Советом министров, президентом ЕП и Еврокомиссией осуществляется на основе ряда формальных и неформальных правил, обеспечивающих ротацию и продолжительность кадровой политики одновременно.

На уровне практическом институциональное время в ЕС следует четырем принципам: 1) электоральному, 2) селекторальному, 3) ротации, 4) продолженности. По сравнению с политическим временем в национальных демократических системах долгосрочные горизонты в ЕС менее привязаны к электоральным циклам. По крайней мере на административном уровне — уровне ЕК и Совета министров — процесс принятия решения менее, чем парламенты и правительства в государствах-членах, подвержен влиянию факторов, связанных с проведением выборов, а также временному давлению.

К. Гетц выделяет основные черты, характеризующие политическое время в ЕС³⁷. Первое — это отсутствие доминирующего политического цикла. Несмотря на введение в 1979 г. прямых выборов в ЕП с периодичностью раз в пять лет электоральный цикл так и не стал базовым. Одной из причин этого называется то, что выборы в ЕП не связаны с главным феноменом, характерным для национальных демократических систем: феноменом смены власти. Важнее электорального цикла для ЕС является бюджетный цикл —

³⁶ Goetz K. The EU timescape: an emergent temporal order // *Institutional Dynamics and the Transformation of Executive Politics in Europe* / Ed. by M. Egeberg. Mannheim, 2007. P. 277.

³⁷ Goetz K. How does EU tick? Five propositions on political time // *Journal of European Public Policy*. 2009. March. Vol.16 (2). P. 202–220.

семь лет. Он превосходит пятилетний срок ЕП и взаимодействие в рамках него строится на многоуровневой основе. Управляющий совет Центрального Европейского банка встречается дважды в месяц, шесть членов исполнительного правления Банка назначаются на невозобновляемой основе на восьмилетние сроки по принципу ежегодной ротации. Несмотря на то что, казалось бы, подобные схемы затрудняют мобилизацию и синхронизацию политических акторов, они имеют и позитивный результат, так как создают феномен того, что К. Гетц называет темпоральной множественностью. В рамках Еврокомиссии и Совета Европы бюрократический аппарат, занятый в них на постоянной основе, обеспечивает функциональную память, а также формулирует будущие временные горизонты, которые перекрывают как мандат Комиссии, так и министерские сроки и президенство в Совете Европы.

Методологически К. Гетц и Л. Коватс работают в парадигме институционализма, предлагая различные его направления для анализа особенностей темпоральной структуры ЕС. Каждый социальный факт расположен во времени, окружен другими контекстуальными фактами и актуализируется в настоящем процессами, которые связывают его с его прошлыми контекстами. Для политической науки, в частности, признание такой методологической перспективы имело своим следствием появление так называемого нового политического институционализма в 1970-х гг. В противоположность “старому” политическому институционализму новая институциональная перспектива нацеливала фокус своего анализа на относительный характер институтов. Важнее, чем формальные характеристики государства и социетальных институтов *per se*, становится вопрос о том, как данная институциональная конфигурация влияет на политическое взаимодействие.

Для нового институционализма институты — это формальные и неформальные нормы, соглашения, процедурная рутина, которые включены в организационную структуру политической системы или систему политической экономики. П. Холл и Р. Тэйлор выделяют основные черты исторического институционализма (разновидности нового институционализма): тенденция концептуализировать отношения между институтами и поведением индивидов в относительно широком смысле, акцент на асимметрии властных отношений, которые связаны с развитием и функционированием институтов, объединение институционального анализа с иными факторами³⁸.

³⁸ Hall P., Taylor R.C.R. Political science and three new institutionalisms // *Political Studies*. 1996. Vol. XLIV. P. 936–937.

Также анализ институционального развития всегда подчеркивает значение зависимости от пройденного пути и вероятность непредвиденных последствий, что принципиально отличает его от институционализма рационального выбора, который рассматривает политический процесс как серию дилемм коллективного выбора и концептуализирует интенциональность любого действия субъекта политического интереса.

Именно понятие зависимости от пройденного пути, ключевое для исторического институционализма, вводит фактор времени в политологический анализ как независимую переменную в рамках этого подхода. Выделяются два вида значимых последовательностей. Первый вид — это самоусиливающаяся последовательность, то, что экономисты также называют еще “возрастающие результаты”. Некий институциональный образец, однажды принятый, начинает приносить все возрастающие выгоды, так что со временем становится все сложнее трансформировать его во что-то новое или вернуться к ситуации выбора из опций, доступных прежде. Второй вид последовательностей — это так называемые реактивные последовательности. Под ними подразумеваются цепи выстроенных во времени и причинно связанных между собой событий. Эти последовательности являются реактивными в том смысле, что каждое событие в этой последовательности суть часть реакции на предшествующее ему во времени событие³⁹. Анализ зависимости от пройденного пути представляет собой исследование каузальных процессов, которые очень сенситивны к событиям, имевшим место на ранних стадиях какого-либо процесса. Эффект урны Поля, как указывает П. Пирсон, важен и для анализа политического процесса, поскольку тот момент, когда происходит какое-либо действие в рамках последовательности событий, непосредственно будет определять и то, каким образом оно будет происходить и какие следствия будет иметь для дальнейшего хода событий⁴⁰.

Очень большая ошибка заключается в том, что анализ зависимости от пройденного пути многие ученые пытаются подменить на любое историческое объяснение в принципе, так как те процессы, которые ответственны за генезис институтов, сущностно отличаются от процессов, которые отвечают за поддержание и репродукцию этих институтов. При анализе возникновения какого-либо института важно понятие “критической” точки или точки бифуркации, в кото-

³⁹ *Mahoney J.* Path dependence in historical sociology // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. P. 507–548.

⁴⁰ *Pierson P.* Politics in time. History, institutions and social analysis. Princeton, 2004.

рой происходит выбор и принятие конкретного институционального образца среди двух и более вариантов. Тогда как для объяснения поддержания и репродукции института важен функциональный подход, т.е. важны последствия поддержания института для всей системы, ведь в этом заключается главная причина его репродукции, его функциональной оправданности.

Если самоподдерживающиеся последовательности характеризуют процессы репродукции институтов, которые поддерживаются и усиливаются во времени, то реактивные последовательности объясняют процессы, которые трансформируют и даже могут обращать вспять последующие события. Момент во времени, в который совпадают эти два независимых типа последовательностей, очень сложно предсказать, однако именно он будет определять последующие события. Каузальные связи в цепочке реактивной последовательности всегда очевидны, “сущностно последовательны” и не могут иметь вероятностного характера. Все это противопоставляется простому историческому анализу, исходящему из генерализованной линейной модели, для которой порядок событий во времени не влияет на результат, который за ними следует.

Конструирование теорий продолженности и изменений, в фокусе внимания которых порядок и последовательность и которые признают причинную власть темпоральных связей среди событий, требует подхода, который бы выделял множественность образцов темпоральных связей между событиями. Поэтому Р. Эминзейд предлагает четыре различных вида темпоральных связей: продолжительность, темп, траектория и цикл. Первые два определяются количественными методами. Продолжительность выражается единицами физического времени; темп рассчитывается количеством событий, имеющих место в единице времени. Темп институциональных перемен в обществе, в случае если он ориентирован на поддержание образцов прошлого, может привести к политической и экономической стагнации, либо в случае высокого темпа, например, урбанизации и индустриализации, иметь своим следствием аномию и социальный беспорядок. Понятие траектории Р. Эминзейд сводит собственно к зависимости от пройденного пути, указывая, что любая траектория — суть совокупность прошлых выборов, и темпорально удаленные события таким образом могут послужить объяснению последовавших за ними путей развития и настоящего результата. Циклы, в свою очередь, являются интервалом, в котором наблюдается феномен повторения одинаковых событий с выделением восходящей и нисходящей фаз. Это предполагает уже качественные методики идентификации определенных событий

как сущностно схожих и классифицировать их как принадлежащих одной категории⁴¹.

Исследования времени как институционального ограничения имеют свое теоретическое обоснование в историческом институционализме, а методология анализа во многом повторяет методологию исторической социологии с построением рядов последовательностей, закрытием результатов и выделением критических точек. Время представлено здесь как институт — кумулятивный результат цепочек принятия решений.

4. Циклическое определение времени в политической науке

Данный подход берет свое начало в понимании времени как независимой объективной переменной, с помощью которой можно доказать четкую тенденцию к периодичности в экономическом производстве, политическом администрировании и даже войне. В отличие от третьего подхода, большинство исследований в рамках которого проводится на мезоуровне политических институтов, циклическо-временной подход работает на макроуровне как хронологического, так и географического измерения. Стартовым для него является предположение о том, что циклы в политической, экономической и социальной жизни не могут иметь фиксированной периодичности. Это отличается от подхода, в котором время рассматривается как институциональное ограничение, поскольку в данном подходе время анализируется в конкретных единицах: избирательных сроках, электоральных, бюджетных и фискальных циклах. В рамках четвертого подхода длительные циклы устанавливаются посредством концептуального и теоретического объяснения, количественных данных, статистического анализа и позитивистской эпистемологии.

В отличие от экономики в социальных науках переход к исследованиям циклических процессов в рамках категории длительных протяженностей происходил достаточно долго. В Гарварде П. Сорокин и Р. Мертон еще в 1930-е гг. говорили о том, что представление времени как методологической категории может привести к открытию феномена различных форм периодичности в социальной жизни⁴². Также как А. Маршалл, который говорил о существовании длинных и коротких периодов в экономике, они предлагали использовать при

⁴¹ *Aminzade R.* Historical sociology and time // *Sociological Methods & Research*. 1992. May. Vol. 2 (4). P. 460–469.

⁴² *Sorokin P., Merton R.K.* Social time: a methodological and functional analysis // *The American Journal of Sociology*. 1937. March. Vol. XLII (5). P. 615–629.

анализе социально-политических процессов не астрономическое или хронологическое, а операциональное время.

В 1933 г. французский историк Э. Лабрусс обратился к исследованию социальной истории под общим лозунгом внедрения в нее количественного метода. Это имело своим следствием выделение повторяющихся зависимостей, однако возник вопрос, в насколько длительной временной перспективе их оправданно полагать. Существовавшая до XX в. история, и в частности история политическая, работала с анализом кратковременных событий, и поэтому часто проблема исторической истины почти полностью сводилась к проблеме документальной подлинности. Однако как указывает Ф. Бродель, в каждый момент исторического исследования важно разграничивать долговременные движения и краткосрочные импульсы, движения, возникшие недавно, и движения, идущие из глубины исторического времени⁴³. Из работы Г. Гурвича⁴⁴ он берет понятие множественности времен и указывает на то, что для анализа такого сложного и противоречивого феномена как социальное время необходимы длительные хронологические единицы.

В свою очередь А. Лефевр отмечает, что “везде, где присутствует взаимодействие между местом, временем и расходом энергии, существует ритм”⁴⁵. Поэтому социальная организация заявляет себя прежде всего циклическим основанием своих процессов. Все ритмы определяются отношением времени к месту и являются потому локализованным временем либо темпорализованным пространством. По сути они состоят из повторений и их можно определить как движения либо различия в рамках повторения. Он выделяет два типа повторений: циклическое и линейное. Линейное повторение он связывает с рутинной повседневности, тогда как циклическое повторение имеет сложную многофазную структуру. В рамках капиталистической системы происходит манипулирование сущностью времени: капитал никогда ничего не создает, он производит. И тем самым воспроизводит себя, симулируя жизнь. Производство и воспроизводство начинают совпадать в единой временной перспективе. Циклическое повторение и линейное повторение смешиваются.

Внимание к волновым исследованиям в политологии привлекла статья Дж. Голдштейна середины 1980-х гг., которая породила множество последующих дебатов о методологической и теоретической оправданности выделения долгосрочных циклов при анализе по-

⁴³ Braudel F. Histoire et sciences sociales: la longue duree // Annales: Economies, Societes, Civilisations. 1958. N 4. P. 725–753.

⁴⁴ Gurvitch G. The spectrum of social time. Dordrecht, 1964.

⁴⁵ Lefebvre H. Rhythmanalysis: space, time, and everyday life. L.; N.Y., 2004.

литических процессов⁴⁶. Его главный тезис заключался в том, что кондратьевские волны экономического развития находятся в центре мировой системы, их можно проследить как синхронизированное движение цен по крайней мере с 1495 г. до 1945 г. Эти длинные волны экономического развития совпадают, по его мнению, с циклами войн, имевших место между ключевыми государствами. Эскалационная война случается на этапе подъема и повторяется приблизительно каждые 50 лет. Эти войны между крупными державами играют центральную роль в длинных экономических волнах, особенно в том, что касается инфляционных периодов на фазе подъема. Начиная с 1495 г. можно выделить десять примеров совпадения волн экономического развития с циклами войн, однако после 1945 г. наблюдается расхождение между эпизодами войн, изменением цен и производства.

Как указывает Дж. Голдштейн, дебаты вокруг кондратьевских волн или кондратьевских циклов продолжаются около 60 лет, но так и не было достигнуто согласия в теоретическом объяснении их причинной динамики. Он выделяет четыре основных соревнующихся направления в объяснении природы длинных циклов. Первое направление связано с работами самого Н. Кондратьева и объясняет сущность экономического развития теорией циклического увеличения капитала и инвестирования. Второе направление предполагает, что экономический рост обусловлен появлением кластеров инноваций в определенное время и в определенных секторах экономики. Этот подход был впервые предложен в работах Й. Шумпетера. Третий подход начинается с работ И. Троцкого и объясняет цикличность экономического развития теорией капиталистического кризиса. И последний, четвертый подход — это, собственно, подход, объясняющий цикличность в экономическом развитии цикличностью войн. Он был заложен в работах Сильберлинга и Экермана. Несмотря на принципиальные расхождения в этих подходах все они согласны в датировке подъемов и упадков волн в период между 1790 и 1922 гг.

Например, для объяснения цикличности войны (цикл равен приблизительно 56 годам) приводится комплексное объяснение фактора времени. Во-первых, это смена поколений, в рамках каждого цикла сменяется два поколения, каждое из которых продолжительностью 25 лет. Во-вторых, требуется время экономическому производству для того, чтобы оправиться от одной войны и под-

⁴⁶ *Goldstein J.S. Kondratieff waves as war cycles // International Studies Quarterly. 1985. Dec. Vol. 29 (4). P. 411–444.*

готовиться к следующей. В-третьих, период доминирования какой-либо политической партии в демократических странах колеблется от 40 до 60 лет. Теории политической гегемонии также предлагают циклическое объяснение войн, которые случаются на фазе перехода от одного цикла к другому, когда определяется новый гегемон либо консорция гегемонов. Таковы теории цикла лидерства (А.Дж. Тойнби, Дж. Модельски), мировая системная школа И. Валлерстайна и теория транзита власти А.Ф.К. Органски. В своем анализе Дж. Голдштейн изначально отказывается от определения волн экономического развития как циклов с фиксированной периодичностью. Его задачей является установление смены фаз экономического подъема и упадка. Каждая из этих экономических фаз отмечена более или менее параллельными трендами в экономических показателях всех крупных стран. Фактически Дж. Голдштейн в своей работе расширил хронологические рамки анализа. Для периода 1495–1650 гг. он берет статистические данные у Ф. Броделя, для 1670–1790-х гг. — у И. Франка, 1790–1920 гг. — у Н. Кондратьева, а с 1920-х гг. — у Э. Манделя.

Сама статья Н. Кондратьева “Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны” была опубликована в 1922 г., доработана автором для немецкого издания в 1926 г. и переведена с немецкого на английский в 1935⁴⁷. Автор в ней не устанавливает точную периодичность циклов, а указывает их среднюю длину от 47 до 60 лет, при этом первая волна — самая длинная. В исследовании рассматриваются последние 140 лет (т.е. период 1780–1920 гг.), что равняется двум с половиной циклам. Несмотря на то что критики указывали на широкое колебание цикла, Н. Кондратьев возражал, что в случае почти единогласно признанных бизнес-циклов уровень флуктуации равен 57%, так как их продолжительность колеблется от 7 до 11 лет. Тогда как продолжительность выделенных им длинных циклов имеет флуктуационный показатель только 25%. Н. Кондратьев указывает также, что если бизнес-циклы обусловлены внутренними экономическими причинами, то длинные циклы обусловлены внешними, как он их называет “экстра-экономическими” условиями и событиями. Это изменения в технических средствах производства, войны и революции, ассимиляция новых стран, а с ними и новых ресурсов в мировую экономику, а также флуктуации в золотодобычах. Что касается войн и революций, то несмотря на то что они берут свое начало в экономических обстоятельствах, таких

⁴⁷ Kondratieff N.D., Stolper W.F. The long waves in economic life // The Review of Economics and Statistics. 1935. Nov. Vol. 17 (6). P. 105–115.

как увеличение темпа и возросшее напряжение экономической соревновательности, конкуренция за рынки сбыта и доступ к сырью, их все же нельзя назвать причинными силами, формирующими длинные циклы, скорее они сами по себе являются одним из их симптомов. Утверждая существование длинных циклов и отрицая их обусловленность случайными факторами, автор придерживался мнения, что они сами по себе происходят от причин сущностно свойственных капиталистической экономике, но эти причины им далее не конкретизируются. Более того, в заключении он называет эти длинные циклы “сущностным фактором экономического развития, фактором, действие которого можно проследить во всех основных сферах социальной и экономической жизни”⁴⁸.

В исследовании Н. Бека, опубликованном в “Американском журнале политической науки” за февраль 1987 г., рассматривался вопрос, возможно ли существование политического валютного цикла на примере американской Федеральной резервной системы⁴⁹. В работе, опубликованной четырьмя годами позже, он рассматривает возможность выделения уже долгосрочных циклов в международных отношениях⁵⁰. Его главное убеждение заключается в том, что только модели, основанные на циклах с фиксированной периодичностью, являются единственно приемлемыми для социальной науки и только они могут объяснить циклические феномены. Иными словами, он фактически исходит из дословной интерпретации слова цикл — “круглый”, “круговой” (греч. *kiklos*). Спектральный анализ, по его мнению, является стандартным методом для выявления циклической зависимости в сериях фактов, однако по причине недостаточности данных он может оказаться неэффективным. Одной из причин этого является то, что часто процессы, которые генерируют различные наблюдения, могут быть идентичными. Такие процессы называют стационарными. Большинство временных серий, с которыми работают социальные науки, стационарными не являются. Многие временные серии измеряют также уровень того, насколько аккумулируются все предыдущие изменения в серии. Тогда такие серии будут называться интегративными, а поскольку вариантность серий увеличивается во времени, интегративные серии не могут быть стационарными. Если циклы понимать только как чередование подъемов и упадков, то любая стационарная серия в той или иной

⁴⁸ Kondratieff N.D., Stolper W.F. Op. cit. P. 115.

⁴⁹ Beck N. Elections and the Fed: is there a political monetary cycle? // American Journal of Political Science. 1987. Febr. Vol. 31 (1). P. 194–216.

⁵⁰ Beck N. The illusion of cycles in international relations // International Studies Quarterly. 1991. Dec. Vol. 35 (4). P. 455–476.

степени будет проявлять некоторое циклическое поведение. Отсюда так называемые “длинные циклы” и тот факт, что в экономике они “могут быть результатом математической собственности стационарных серий”⁵¹. Любая стационарная серия в свою очередь также может быть разложена на набор подциклов, каждый из которых имеет фиксированную периодичность. Важно также учитывать, что существует прямая зависимость между анализом домена времени и домена частоты (собственно спектра). Частота является антитезой периодичности. На практике это обозначает, что в анализе длинных циклов два цикла близких или почти совпадающих в частотности могут быть значительно отдалены друг от друга в периодичности. Спектральный метод поэтому может выявить короткие циклы в стационарных сериях, но не сможет доказать существование каких-либо длинных циклов.

В анализе войн Дж. Голдштейна рассматривается также степень тяжести войны и ее последствий. Эти данные уже нельзя рассматривать как стационарные серии. У Дж. Голдштейна стандартный метод автокорреляции выявляет существование 50-летнего цикла войн в период 1495–1975 гг. Однако Н. Бек говорит о том, что частичные автокорреляции помогли бы проверить, соответствует ли авторегрессивный процесс более низкого порядка данным, либо же только высоко организованные промежутки должны быть включены в модель. Поэтому Н. Бек делает вывод, что периодичные длинные циклы невозможно выделить в интегративных сериях, каковыми являются данные по ожесточенности войн.

В ответ на критику циклического подхода в объяснении международных отношений в 1993 г. появляется статья Л. Сайерса, в которой он применяет метод спецификации по А.А. Маркову и специфицирует и тестирует циклы войн Дж. Голдштейна как сегментированные во времени тренды⁵². Он пишет, что, как правило, эмпирические исследования полагались на два основных метода диагностики: функции спектральной плотности и функции автокорреляции ARIMA. Однако очевидно, что эти техники будут отрицать гипотезу цикличности из-за своего очень строгого определения формы цикла. Л. Сайерс специфицирует определение войны и использует нелинейные методы для ее анализа. По его мнению, следует исходить из понимания войны как нелинейного процесса с циклами без фиксированной амплитуды и продолженности. Он использует модель двух состояний, которая сегментирует временные серии на

⁵¹ Beck N. The illusion... P. 460.

⁵² Sayrs L.W. The long cycle in international relations: a Markov specification // International Studies Quarterly. 1993. June. Vol. 37 (2). P. 215–237.

фазы подъема и упадка. Сама модель у него представлена в виде процесса А.А. Маркова. Он тестирует свою спецификацию относительно нулевой гипотезы, которая предполагает, что война носит случайный характер во времени.

Большим вопросом, говорит он, остается то, является ли ожидаемая волна циклом в войнах *per se* или ее следует рассматривать как более широко определяемый цикл некоего макрополитического и экономического процесса. Ряд исследователей, к которым он относит Дж. Модельски, И. Валлерстайна и Дж. Голдштейна, признают войну со-временной с, но в то же время, вытекающей из сути гегемонистского цикла. В этой логике, война может быть цикличной только потому, что цикличны процессы, ее вызывающие. Нулевая гипотеза Л. Сайерса исходит из подхода Е. Слуцкого, который доказывает в своей работе 1927 г. (английский перевод появился в 1937)⁵³, что циклы являются результатом аккумуляции случайных погрешностей. Даже в ситуации невозможности доказать позитивным путем существование длительных политических циклов, модель сегментированных трендов больше подходит для работы со статистическими данными, чем ее линейная альтернатива.

В рамках механизма эндогенной каузальности результат последнего события влияет на возможности результатов последующего. В эмпирических тестах для измерения войн использовался целый ряд методов, однако данными для абсолютного большинства их служили данные Дж. Леви⁵⁴, поэтому нередко в этих исследованиях подменялись понятия причинности войны и ее жестокости. В одновариантном анализе Л. Сайерс разводит такие категории, как категория интенсивности и категория жестокости войны. Его анализ призван ответить на два вопроса. Во-первых, соответствуют ли война и инфляция, каждая по отдельности либо совместно, кондратьевскому циклу равному приблизительно 50 годам? Во-вторых, в случае, если эти данные не соответствуют кондратьевскому циклу, не будут ли они удачнее подходить нулевой гипотезе — модели, основанной на принципе аккумуляции случайных ошибок?

В одновариантном анализе Л. Сайерс делает вывод, что цикл войн ограничивается только войнами между крупными державами, а не всеми войнами вообще, имевшими место в рассматриваемый период. В результатах мультивариантного анализа было получено заключение, что показатели войны и инфляции ведут себя по-разному. Если на данных, касающихся войны, можно четко проследить фазы

⁵³ *Slutzky E.* The summation of random causes as the source of cyclic processes // *Econometrica*. 1937. April. Vol. 5 (2). P. 105–146.

⁵⁴ *Levy J.S.* War in the modern great power system, 1495–1975. Lexington, 1983.

подъема и упадка, то инфляция имеет небольшой подъем и вторую фазу практически без изменений. Эти две тенденции показывают очень четкое расхождение особенно после 1815 г. Л. Сайерс делает вывод о том, что несмотря на то что война имеет циклический характер, форма и характер циклов не совпадают с волнами Кондратьева. Фазы подъема случаются нерегулярно и длятся, как правило, 14 лет, фаза спада продолжается только 9 лет. В бивариантном анализе доказывалась гипотеза, широко распространенная в работах, касающихся длинных циклов, о том, что на фазе подъема война может служить стимулятором инфляционных процессов. Л. Сайерс не исключает возможности того, что цикл войн может быть процессом с двумя отдельными фазами, на каждую из которых действуют свои макрополитические процессы. Не исключено, что это может быть зависимость также и от более коротких экономических циклов, выделенных в предыдущих исследованиях, таких как бизнес-цикл Й. Шумпетера, производственный цикл С.С. Кузнеца или аграрный цикл В. Тимошенко.

В бивариантном анализе, связывающем показатели войны и показатели цен, было выделено 19 фаз подъема с 1500 г. и только 5 фаз с периода, последовавшего после 1815 г. Главный вывод Л. Сайерса состоит в том, что война является повторяющимся процессом, но этот процесс сложно назвать периодичным. Фокус последующего анализа должен быть обращен к совокупной множественности эффектов, которые удлиняют или укорачивают интервалы времени между этими циклическими эпизодами, заключает он.

Интересно замечание антрополога А. Джелла о том, что ошибочно называть понятием “циклическое время” темпоральность примитивных обществ даже несмотря на наличие в их практике повторяющейся последовательности событий. По причине отсутствия в их практике кумулятивной повторяемости он предлагает называть темпоральность примитивных обществ все-таки линейным типом темпоральности⁵⁵. Циклическое время предполагает возможность проиндексировать повторяемость событий в едином линейном измерении. Только историческое время всегда имеет кумулятивный эффект, заключает он. С методологической точки зрения это замечание интересно тем, что на практическом уровне работы со статистическими данными оно помогает четко развести стационарные серии и интегративные серии.

Даже оппоненты циклично-временного подхода согласны с тем, что несмотря на то, что модели, основанные на циклах с фиксиро-

⁵⁵ Gell A. The anthropology of time. Cultural constructions of temporal maps and images. Oxford, 1996. P. 34.

ванной периодичностью, являются единственно возможными для объяснения циклических феноменов, а неудачи в поиске длительных циклов с фиксированной периодичностью в спектральном анализе происходят в основном из-за недостаточности данных, а не из-за сути самого подхода. Данный подход требует стационарности, которая в свою очередь требует выделения процесса, образующего временной инвариант. Здесь сама цикличность принимается за этот временной инвариант. Однако из-за такой потери информации становится практически невозможно выделить так называемые переходные циклы и объяснить те структурные перемены, которые обуславливают переход от одного доминантного цикла к другому.

Данная статья является попыткой произвести систематизацию тех исследований в политической науке, в которых время представлено как значимый фактор политического процесса. Было выделено четыре подхода на основании анализа их теоретического обоснования, методологии и практического инструментария. Предложенная последовательность подходов исходит из степени интенциональности субъектов политического интереса в их обращении со временем: от наиболее к наименее осознанному порядку. Время как нарратив предполагает наиболее высокую степень сознания темпоральных горизонтов политическими акторами. В психологическом подходе в центре анализа находятся темпоральные перцепции акторов (осознанные и нет) и манипулирование ими с целью достижения своих политических интересов. В институциональном подходе уже анализируются так называемые эффекты времени (последовательности принятия решений, закрепление их в институты, институциональные изменения). И, наконец, в циклическо-временном подходе время представлено как некий фатум, несущий изменения в силу действия целого комплекса причин самого общего ряда. Предложенные выводы являются приглашением к дискуссии и основанием для дальнейшего анализа методологического статуса времени в политической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES:

Aminzade R. Historical sociology and time // *Sociological Methods & Research*. 1992. May. Vol. 20 (4). P. 456–480.

Ancona D.G., Okhuysen G.A., Perlow L.A. Taking time to integrate temporal research // *The Academy of Management Review*. 2001. Oct. Vol. 26 (4). P. 512–529.

Bachelard G. The dialectic of duration. Manchester, 2000.

Barkin J.S. Time horizons and multilateral enforcement in international cooperation // *International Studies Quarterly*. 2004. Vol. 48. P. 363–382.

Beck N. Elections and the Fed: is there a political monetary cycle? // *American Journal of Political Science*. 1987. Febr. Vol. 31 (1). P. 194–216.

- Beck N. The illusion of cycles in international relations // *International Studies Quarterly*. 1991. Dec. Vol. 35 (4). P. 455–476.
- Bergson H. *Time and free will*. Sydney, 1913.
- Braudel F. *Histoire et sciences sociales: la longue duree* // *Annales: Economies, Societes, Civilisations*. 1958. N 4. P. 725–753.
- Crossan M., Pina e Cunha M., Vera D., Cunha J. Time and organizational improvisation // *The Academy of Management Review*. 2005. Jan. Vol. 30 (1). P. 129–145.
- Elias N. *Time: an essay*. Oxford, 1992.
- Ekengren M. *The time of European governance*. Manchester, 2002.
- Ferrarotti F. Time, memory, and society // *Contributions in Sociology*. 1990. N 91.
- Gell A. *The anthropology of time. Cultural constructions of temporal maps and images*. Oxford, 1996.
- Goetz K. The EU timescape: an emergent temporal order. Ch. 8 // *Institutional Dynamics and the Transformation of Executive Politics in Europe* / Ed. by M. Egeberg. Mannheim, 2007. P. 263–290.
- Goetz K. How does EU tick? Five propositions on political time // *Journal of European Public Policy*. 2009. March. Vol. 16 (2). P. 202–220.
- Goldstein J.S. Kondratieff waves as war cycles // *International Studies Quarterly*. 1985. Dec. Vol. 29 (4). P. 411–444.
- Gurvitch G. *The spectrum of social time*. Dordrecht, 1964.
- Halliday T. Time and temporality in global governance // *Regulatory Theory: Foundations and Applications* / Ed. by P. Drahos. 2017. Canberra, P. 303–321.
- Halliday T., Carruthers B.G. Foiling the hegemons: limits to the globalization of corporate insolvency regimes in Indonesia, Korea and China // *Globalization and Resistance: Law Reform in Asia since the Crisis* / Ed. by C. Anton, V. Gessner. Oxford, P. 255–301.
- Kahn P.W. Political time: sovereignty and the transtemporal community // *Cardozo Law Review*. 2006. Vol. 28 (1). P. 259–276.
- Kondratieff N.D., Stolper W.F. The long waves in economic life // *The Review of Economics and Statistics*. 1935. Nov. Vol. 17 (6). P. 105–115.
- Koselleck R. *Futures past: on the semantics of historical time*. Cambridge, 1985.
- Kovats L. Do elections set the pace? A quantitative assessment of the timing of European legislation // *Journal of the European Public Policy*. 2009. March. P. 239–255.
- Lefebvre H. *Rhythmanalysis: space, time, and everyday life*. L.; N.Y., 2004.
- Levy J.S. *War in the modern great power system, 1495–1975*. Lexington, 1983.
- Linz J.J. Democracy's time constraints // *International Political Science Review*. 1998. Vol. 19 (1). P. 19–37.
- Luhmann N. The future cannot begin: temporal structures in modern society // *Social Research*. Vol. 43 (1). P. 130–152.
- Mahoney J. Path dependence in historical sociology // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. P. 507–548.
- Osborne P. *The politics of time: modernity and avant-garde*. L.; N.Y., 1995.
- Ornstein R.E. *On the experience of time*. L., 1969.
- Pierson P. *Politics in time. History, institutions and social analysis*. Princeton, 2004.
- Pinfari M. *Peace negotiations and time: deadline diplomacy in territorial disputes*. L., 2013.
- Pinfari M. Time to agree: is time pressure good for peace negotiations? // *The Journal of Conflict Resolution*. 2011. Oct. Vol. 55 (5). P. 683–709.

Portella E. Future without a future // Time in the making and possible futures / Ed. by E.R. Larreta. L., 2000.

Riescher G. Zeit and Politik. Baden-Baden, 1994.

Sayrs L.W. The long cycle in international relations: a Markov specification // International Studies Quarterly. 1993. June. Vol. 37 (2). P. 215–237.

Schedler A., Santiso J. Democracy and time: an invitation // International Political Science Review. 1998. Vol. 19 (1). P. 5–18.

Schuman H., Corning A., Schwartz B. Framing variations and collective memory. “Honest Abe” versus “the great emancipator” // Social Science History. 2012. Winter. Vol. 36 (4). P. 451–472.

Schwartz B. Rethinking the concept of collective memory // Routledge International Handbook of Memory Studies / Ed. by A.L. Tota, T. Hagen. N.Y., 2016. P. 27–39.

Schwartz B., Schuman H. History, commemoration, and belief: Abraham Lincoln in American memory, 1945–2001 // American Sociological Review. 2005. Vol. 70 (2). P. 183–203.

Schwartz B., Zerubavel Ya., Barnett B. Recovery of Masada: a study in collective memory // Sociological Quarterly. 1986. N 27. P. 147–164.

Sorokin P., Merton R.K. Social time: a methodological and functional analysis // The American Journal of Sociology. 1937. March. Vol. XLII (5). P. 615–629.

Slutzky E. The summation of random causes as the source of cyclic processes // Econometrica. 1937. Apr. Vol. 5 (2). P. 105–146.

Tucker H.J. It's about time: the use of time in cross-sectional state policy research // American Journal of Political Science. 1982. Febr. Vol. 26 (1). P. 176–196.

Zerubavel E. Time maps: collective memory and the social shape of the past. Chicago, 2003.